

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. И. С. Леонов
г. Москва, Россия

**МОТИВ ВХОД / ВЫХОД
В ПРОИЗВЕДЕНИИ АРХИМАНДРИТА ТИХОНА (ШЕВКУНОВА)
«“НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ” И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ»**

Аннотация: Статья посвящена специфическим особенностям мотива *вход / выход* в книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святыи” и другие рассказы». Художественное пространство произведения построено по принципу оппозиции: секулярный мир — монастырь. В работе рассматриваются основные типы перехода персонажей из светского в монастырское пространство и обратно, при этом основные акценты делаются на специфике внутренних изменений, происходящих в людях как в момент перехода, так на последующих этапах. В результате проведенного исследования разработана классификация изучаемого мотива, включающая следующие типы: свободный вход, вход при содействии иного лица, вход с экскурсией, вторжение. Последний тип проникновения в монастырское пространство включает четыре разновидности: вторжение с целью возвращения родственника; вторжение по идеологическим причинам; вторжение из хулиганских побуждений; вторжение с целью обмана / преступления. В работе также рассматриваются ситуации выхода, специфичные для различных групп персонажей: паломников, монахов, недоброжелателей, преступников. В результате проведенного исследования предлагаются типы ситуации выхода за пределы монастырского пространства персонажа-мирянина (свободный выход; выход за послушание; выход без благословения), монашествующего (выход за послушание; выход в знак протеста; нарушение обета), персонажа-оппонента (выход-примирение; выход-поражение; выход, сопряженный с негативными последствиями; побег).

Ключевые слова: архимандрит Тихон (Шевкунов), православная проза, монастырское пространство, мотив вход / выход, духовная эволюция человека.

Информация об авторе: Иван Сергеевич Леонов — кандидат филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, ул. Академика Волгина, д. 6, 117485 г. Москва, Россия. E-mail: mamif.lis@rambler.ru

Дата поступления статьи: 31.07.2017

Дата публикации: 15.09.2018

Для цитирования: Леонов И. С. Мотив *вход/выход* в произведении архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святыи” и другие рассказы» // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 198–210.

Вышедшее в свет в 2011 г. произведение «“Несвятые святыи” и другие рассказы» наместника московского Сретенского монастыря архимандрита (в настоящее время —

епископа) Тихона (Шевкунова) завоевало внимание читательской аудитории и вызвало интерес у литературоведов.

К числу наиболее обсуждаемых вопросов, связанных с изучением книги, следует отнести проблему жанра, особенности системы образов, специфику художественного пространства. Д. М. Рогозин рассматривает «Несвятые святые» как «бытописание православного монастыря и жизнеописание российского священства, представленное в биографическом повествовании» [5, с. 171]. Статья Л. Н. Голубевой посвящена функциям и особенностям жанра проповеди в структуре произведения [2]. В диссертации С. М. Червоненко основное внимание приковано к приемам создания образов монахов в художественном мире архимандрита Тихона, который «воссоздает неповторимую внутреннюю жизнь обители <...> описывает начало собственного монашеского пути, представляет читателям каждого героя, давая краткие, но емкие характеристики» [6, с. 127]. И. А. Казанцева исследует книгу «Несвятые святые» с позиции двоемирия. По мысли ученого, автор «резко очерчивает границы двух миров, живущих по разным законам, служащих разным ценностям» [3, с. 53].

Соглашаясь с позицией литературоведа, следует признать, что художественное пространство книги построено по принципу бинарной оппозиции, которую составляет, с одной стороны, секулярный мир, а с другой — церковь. На протяжении всего произведения читатель наблюдает, как повествователь и иные персонажи преодолевают находящуюся между ними границу, переходя из одного пространства в другое. При этом основные акценты делаются на специфике внутренних изменений, происходящих в людях в момент перехода и на последующих этапах. Наряду с изображением погружения большинства героев в мир русского православия, в книге приводятся примеры обратного вектора, связанного с возвращением людей к секулярному образу жизни.

В связи с этим представляется целесообразным исследовать специфические особенности мотива *вход / выход*, являющегося ключевым в произведении «Несвятые святые».

Следует отметить, что понятие «православный мир» в произведении имеет как узкое, так и широкое значение. В первом случае речь идет о пространстве Псково-Печерского монастыря — духовной «колыбели» повествователя и ряда персонажей. В данном случае речь идет об обители, сохранившей в силу ряда исторических причин дореволюционные иноческие традиции.

В широком значении термин «православный мир» не ограничивается изображением конкретных храмов или монастырей. Здесь основной акцент делается на людях, пришедших к вере и живущих согласно церковному уставу. В данном контексте пространство русского православия объединяет монастырские, приходские, а также московские главы книги. Сюда включаются многие упоминаемые в тексте обители (Псково-Печерский, Донской, Сретенский, Дивеевский монастыри, Троице-Сергиева Лавра), столичные и провинциальные приходские общины, православные семьи (Чавчавадзе, Вигилянские), а также отдельные личности (митрополит Питирим, епископ Василий, матушка Фрося и т. д.).

В данной работе анализ мотива *вход / выход* будет произведен преимущественно с учетом узкого контекста, т. е. применительно к Псково-Печерской обители (в отдельных случаях будут рассмотрены эпизоды из жизни Сретенского монастыря), что позволит сосредоточить внимание на биографическом материале, широко представленном в произведении. Таким образом, в контексте настоящего исследования понятия «православный / церковный мир» и «монастырское пространство» синонимичны.

Анализ произведения «Несвятые святые» позволяет предложить вариант классификации мотива *вход*, учитывающий личность входящего, его отношение к вере и церковной традиции, а также цель совершаемого перехода. С опорой на предложенные критерии можно выделить следующие типы:

- свободный вход;
- вход при содействии иного лица;
- вход с экскурсией;
- вторжение.

Необходимо учесть, что каждому варианту ситуации входа соответствует строго определенный тип персонажа, осуществляющий пересечение границы секулярного и церковного пространств. В первом случае речь идет о человеке, ищущем путь к Богу, ориентированным на традиции русского православия.

Свободный вход подразделяется на два вида:

- монашеский;
- паломнический.

Монашеский вход осуществляется человеком, желающим принять постриг (или принявшим его ранее) и навсегда остаться в обители. Данная ситуация не предполагает выхода из монастыря, а единичные исключения воспринимаются повествователем и близкими ему персонажами крайне болезненно. Подобный вход на определенном этапе был осуществлен архимандритом Иоанном (Крестьянкиным), казначеем Нафаналом и другими насельниками монастыря. Изображая архимандрита Серафима, автор приводит его слова: «Я даже помыслом не выходил из обители» [1, с. 76]. Ему же принадлежат мысли о монастыре и монашестве как о высшем призвании человека: «Вы даже не представляете, что такое монастырь! Это... жемчужина, эта удивительная драгоценность в нашем мире! Только потом вы это оцените и поймете» [1, с. 79]. Следует отметить, что, проведя жизнь в монастыре, иноки остаются в нем и после смерти: монастырское пространство включает место пребывания тел скончавшихся — пещеры. Вышедшие за пределы монастыря и служащие на приходах постриженники обители теряют возможность быть похороненными в этом сакральном месте, о чем свидетельствует судьба иеромонаха Рафаила (Огородникова).

Приход паломника в монастырь, как правило, вызван интуитивным стремлением найти лучший мир, уйти от обыденности и господствующего в 80-е гг. XX в. атеистического мировоззрения. Персонаж может обладать протестным настроением, юношеским максимализмом, которые со временем вырастают в глубокую веру, в корне меняющую судьбу человека. Подобный переход осуществляется повествователем, а также его сверстниками, избравшими для себя путь послушнического и монашеского служения. Не случайно в начале произведения упоминаются пять молодых послушников, каждый из которых нашел дорогу в обитель: «Так почему же мы пришли в монастырь и всей душой желали остаться здесь навсегда? Мы хорошо знали ответ на этот вопрос. Потому, что каждый из нас открыл прекрасный, не сравнимый не с чем мир» [1, с. 7]. Повествуя о людях, совершивших добровольный переход в пространство обители, автор отмечает их уверенность, эмоциональность, максимализм и отчасти категоричность. Об этом свидетельствует эпизод появления в монастыре Саша Швецова: «Вдруг дверь распахнулось, и на пороге появился высокий парень, наш ровесник, лет двадцати двух, в фирменных джинсах и дорожкой куртке. — А мне здесь нравится! — заявил он нам, даже не поздоровавшись, — Я здесь останусь!» [1, с. 148].

В произведении возникают мотивы бегства и мнимого безумия. Первый связан с протестом молодых людей к миру привычных ценностей (семья, карьера, светские увлечения); второй — передает отношение к ним родственников и друзей, болезненно воспринимающих столь резкую перемену в жизни близкого человека. О реализации в произведении указанных мотивов свидетельствуют следующие строки: «Вообще-то в монастырь мы в начале восьмидесятых годов в конце концов не уходили, а сбегали. Думаю, нас считали немножко сумасшедшими. А иногда и не немножко» [1, с. 148].

Особую актуальность в книге приобретает мотив первого паломнического посещения обители, которое способствует формированию у молодого человека представлений о жизни «внутри церковной ограды. В одной из первых глав книги «В Печорах» повествователь — Георгий (мирское имя епископа Тихона) — по совету крестной отправляется в обитель. Поездка совершается вскоре после крещения молодого человека, переживающего период неопитства, которому свойственны такие качества, как восторженность и максимализм, вызванные открытием им новой реальности.

Первый переход из светского в монастырское пространство для повествователя осложнен рядом испытаний: ранний приезд в Псков, путь к обители «в стареньком автобусе» [1, с. 21] и, наконец, вынужденное ожидание у стен монастыря до тех пор, «пока сторож в положенный час отворит старинные окованные железом ворота» [1, с. 21]. По справедливому замечанию М. С. Красняковой в данном случае «Автор подчеркивает закрытость пространства монастыря, окруженного высокими стенами» [4, с. 104]. Преодоление границы своеобразного двоимирия погружает Георгия в новое для него пространство православной обители, при этом спектр чувств и переживаний молодого человека носит амбивалентный характер и включает следующие аспекты, находящиеся в неразрывном единстве: а) восторг; б) удивление; в) раздражение.

Первый связан с внутренней атмосферой обители, доброжелательным отношением монахов, красотой церковного богослужения: «Все поражало меня: и дьякона с распущенными длинными волосами и красивыми орарями по плечам, и грозный наместник, и священники — пожилые и молодые, лица которых были совсем другие, чем у людей в миру. И архиерей — огромный, очень старый, величественный в своих древних облачениях, с мудрым и необыкновенно добрым лицом» [1, с. 25]. Второй аспект связан с особым пограничным статусом повествователя: оказавшись в монастыре, молодой человек сталкивается с ранее неизвестными ему традициями, вызывающими удивление. К подобным явлениям можно отнести сложные для восприятия светского человека названия церковных должностей и имена иноков: «По соседству, как меня сразу предупредили, жил строгий казначей по имени отец Нафанаил. Я заметил про себя, что было неплохо давать этим монахам имена попроще» [1, с. 26]. Наконец, наиболее сложным испытанием для паломника становится строгость монастырского устава, предполагающего ранние подъемы, длительные богослужения и непривычные для городского человека послушания, которые провоцируют недоумение и раздражение в душе Георгия, что еще раз свидетельствует о его пограничном духовном состоянии: «Я выдержал все десять дней — ранние подъемы, послушания, нескончаемые службы с кричащими то и дело под ухо бесноватыми. Не могу сказать, что я сожалел о потеряном времени. Однако в последний день всей душой стремился в Москву» [1, с. 33].

Следует отметить, что амбивалентный характер чувств и переживаний Георгия непосредственно связан со спецификой его вхождения в православное церковное пространство. Если формальное преодоление границы этих миров проходит с минимальными усилиями (поездка, ожидание у ворот обители), то истинный приход к вере

и подчинение себя церковному уставу — процесс достаточно протяженный, предполагающий постоянное преодоление собственных стереотипов и привычек. Испытания, выпавшие на долю паломника-неофита, имеют важное духовное значение. С их помощью автор показывает, что путь от светского образа жизни к церковному не может проходить стремительно; любые изменения внутреннего мира человека сопровождаются определенными усилиями, предполагают как «взлеты», так и периоды, связанные с сомнениями и разочарованиями. Данный подход связан с установкой на правдоподобное изображение, а также попыткой уйти от излишней идеализации событий и героев.

Персонажи, осуществляющие вход в монастырское пространство при содействии иного лица, чаще всего являются жертвами сложных жизненных ситуаций, иногда собственных ошибок, нуждаются в помощи церкви и, в частности, опытных духовников. Такие люди пересекают границу монастырского мира при непосредственном участии более опытных в духовном смысле родственников или знакомых, выполняющих в данном случае роль персонажа-помощника. В качестве примера можно привести эпизод о посещении обители юношей Валерием из Чистополя, получившим напутствие от старца Иоанна (Крестьянкина) перед заключением. К этой группе персонажей следует отнести старого монаха, спустившегося с кавказских гор и получившего приют в Псково-Печерском монастыре. В первом случае функцию персонажей-помощников выполняют повествователь и его друг иеромонах Рафаил; во втором — наместник.

Вход с экскурсией предполагает наличие нескольких типов персонажей, однако общей чертой для них становится в той или иной степени выраженная оппозиционность по отношению к монастырю и монахам. Автор отмечает, что в советские годы экскурсии по обители проводились для ответственных партийных работников и членов их семей, иностранных гостей, т. е. для людей, в прямом и переносном смысле находящихся «за церковной оградой». Однако, несмотря на это, диапазон отношения данных персонажей к вере и церкви не является однородным и может варьироваться от иронии и издевательства до попыток понять и разобраться в увиденном. К первой группе экскурсантов можно отнести детей высокопоставленных партийных работников, которые «то и дело прыскали от смеха, показывали пальцами на монахов» [1, с. 101], ко второй — представителя Министерства путей сообщения, признавшего мудрость и талант своего собеседника архимандрита Нафанаила.

Ситуация вторжения связана с персонажем, враждебно настроенным по отношению к церкви. При этом оппозиционность чаще всего выражается в категоричных формах, может сопровождаться явно агрессивным поведением, острым конфликтом, а порой и совершением преступления. Человек, совершающий вторжение, может руководствоваться как идеологическими, так и своекорыстными мотивами. Данный тип проникновения в монастырское пространство включает четыре разновидности:

- вторжение с целью возвращения родственника;
- вторжение по идеологическим причинам;
- вторжение из хулиганских побуждений;
- вторжение с целью обмана / преступления.

В первом случае важную роль играет столкновение ментальных моделей, возникающее на внутрисемейном фоне. Традиционный конфликт отцов и детей осложняется различными ценностными ориентациями, которые исповедуют представители различных поколений. Так, отцы в числе слагаемых успешной жизни видят семью, образование, карьеру, социальную активность, авторитет в обществе. Дети, открывшие для себя мир православной веры, начинают критически воспринимать ценности

старшего поколения. Подобная ситуация приводит к острому столкновению: «За нами приезжали несчастные родители, безутешные невесты, разгневанные профессора институтов, в которых мы учились» [1, с. 147]. Подобный конфликт в ряде случаев носит разрешимый характер, что воспринимается автором книги с позиции Божьего Промысла, приводящего к вере поколение отцов. Яркий пример тому — судьба Александра Михайловича Швецова, отца послушника и будущего иеромонаха обители, который со временем обратился к вере и «отошел ко Господу, став самым искренним молитвенником и искателем Бога» [1, с. 151].

Вторжение, вызванное идеологическими причинами, связано с целью закрыть монастырь или нанести ему значительный ущерб. Автор, как правило, избегает конкретики при изображении образов противников монастыря. За редким исключением речь идет о группах, состоящих из представителей властных структур, партийных органов, общественных активистов. Иногда повествователь обращается к деталям портрета персонажей, осуществляющих вторжение: «человек в шляпе», «несколько человек в штатском». В отдельных случаях враждебно настроенные по отношению к монастырю люди соотносят свои действия с решениями государственных или партийных структур, при этом целиком и полностью отождествляя себя с ними, «растворяясь» в них. Подобное обезличивание персонажа приводит к тому, что принадлежность к официальной организации заменяет его собственное имя. Так, во время возникшей конфликтной ситуации между монахами и местными активистами из-за полива огородов, представитель последних отказался назвать себя, ссылаясь на выполнение директивы партийных органов: «Они стали лепетать, называя райкомы, обкомы и т. д.» [1, с. 211].

Основная часть подобных вторжений пришлась на 60–70 гг. XX в., т. е. период, когда монастырем управлял прошедший войну архимандрит Алипий (Воронов). Во время отражения подобных атак в образе монаха автор фиксирует черты не только церковного администратора, но и бесстрашного воина, готового с оружием в руках защищать право насельников на выбранный ими жизненный путь. Так, на одно из многочисленных требований закрыть монастырь архимандрит дал следующий ответ: «У меня половина братии — фронтовики. Мы вооружены, будем сражаться до последнего патрона» [1, с. 192]. Данное высказывание вполне соответствует жизненному принципу отца Алипия: «побеждает тот, кто переходит в наступление» [1, с. 193]. Следует отметить, что ситуация вторжения по идеологическим причинам обладает наиболее острым и неразрешимым характером. В данный контекст часто включаются мотивы битвы, осады, штурма, обороны.

Вторжение из хулиганских побуждений совершается группой лиц, преимущественно молодых, находящихся в возбужденном состоянии, иногда под воздействием алкоголя. Примером тому может послужить эпизод штурма монастырских ворот пьяными выпускниками десантного училища. Отношение автора к молодым лейтенантам вполне сочувственное: писатель осознает, что их действия были спровоцированы идеологической борьбой, сформировавшей в сознании вчерашних курсантов специфические стереотипы о монахах, монастырях и русской церкви в целом. Ситуацию разрешает доброжелательный и доверительный разговор с отцом Алипием, который, по замечанию автора, «был непримирим к сознательным разрушителям. Но с простыми людьми он вел себя совсем иначе, даже если те, по неразумию, не ведали, что творили» [1, с. 205]. В процессе изображения молодых людей отмечается резкая перемена, вызванная общением с наместником. Если на первом этапе со стороны десантников наблюдались агрессия, безапелляционность, угрозы, то впоследствии эти проявления

сменились удивлением, покорностью («Лейтенанты вытянулись и онемели» [1, с. 207]), смущением. Таким образом, конфликтная ситуация, спровоцировавшая вторжение, носит разрешимый характер. В тексте присутствуют мотивы прощения, примирения, отцовской любви, преображения.

Вторжение с целью обмана или преступления может обладать разнообразным характером. С одной стороны, его совершает группа агрессивно настроенных лиц, бывших уголовников, пытающихся обложить монастырь своеобразной «данью», с другой — может быть совершено одним человеком, действующим осторожно и под прикрытием благих намерений. Так, первая ситуация описывается автором в главе, посвященной архимандриту Гавриилу; вторая — связана с историей монастырского бухгалтера, сбежавшего за границу с крупной суммой денег (случай произошел в Сретенском монастыре). В обоих случаях на первый план выходят исключительно корыстные мотивы, лишённые какой-либо идеологической составляющей. Подобные конфликты разрешаются либо при участии правоохранительных органов, либо при помощи усиленной молитвы, способной, по мысли автора, совершить невозможное, противоречащее всем законам логики (данная идея отчетливо прослеживается в главе «О том, как мы покупали комбайны»).

Рассмотрев различные варианты мотива входа в монастырское пространство, а также особенности создания образов персонажей, осуществляющих пересечение границы секулярного и церковного миров, следует обратиться к анализу мотива *выхода*.

Применительно к образам паломников (трудников, послушников), т. е. персонажам, не принявшим постриг, рассматриваются следующие варианты выхода:

- свободный выход;
- выход за послушание;
- выход без благословения.

Свободный выход связан с особым пограничным статусом человека, живущего в обители, но не давшего в силу различных причин монашеских обетов. Паломник (трудник и даже в определенной степени послушник), вступив на путь религиозного поиска, является мирянином. Он связан семьей, служебными обязанностями и посещает монастырь в свободное время, о чем свидетельствует жизненная ситуация повествователя, часто приезжающего в Псковские Печоры, но не имеющего возможность остаться здесь и принять постриг. В данном случае важную роль играет мотив материнского благословения, без которого говорить об иноческом служении не представляется возможным.

В отличие от монаха, для которого выход из обители чаще всего связан с конфликтной ситуацией, для паломника подобное пересечение границы светского и церковного пространств не несет негативных духовных последствий, что не исключает отдельных переживаний, вызванных особым отношением к обители и ее насельникам.

Наряду с исследованной ранее ситуацией первого входа, важное значение приобретает и последующий выход за пределы обители. Речь идет о возвращении повествователя домой после десятидневного паломничества. Здесь наблюдается ярко выраженная амбивалентность чувств и переживаний, свойственная молодому человеку. С одной стороны, выход представляется ему желанным: трудности монастырской жизни вызывают тоску по привычному столичному миру. Наряду с этим Георгий обнаруживает в себе целый комплекс внутренних изменений, не позволяющих ощущать прежнее единство с секулярным обществом: «И действительно — все стало другим. Не знаю, что произошло, но мир потерял для меня весь интерес и привлекательность.

То, что еще вчера казалось желанным и ценным, теперь открылось не как бессмысленное (я не дерзал многое так называть), но совершенно далекое» [1, с. 35].

Следует признать, что данное высказывание и последующие размышления повествователя не столько отражают возникшее в его сознании оппозиционное восприятие секулярного и религиозного миров по принципу *плохое / хорошее*, сколько указывают на факт совершившегося для Георгия перехода. Первое посещение Псково-Печерской обители становится своеобразной стартовой точкой для последующего более глубокого знакомства с русским православием: «То есть я искренне любил тот старый мир, жалел его, сопереживал ему от всего сердца!.. Но как раз в сердце и было дело — оно уже принадлежало не старым заветам, а новому, открывшемуся так неожиданно таинственному и непреодолимому завету человека с Богом» [1, с. 36].

Свидетельствуют о подобных изменениях в душе повествователя и последующие регулярные паломничества. Необходимо оговорить, что многочисленные входы в монастырское пространство и выходы за его пределы для паломника не обладают знаковым характером и приобретают формальное значение. Это связано с тем, что основной переход в мир веры для повествователя уже совершен. При этом на данном этапе он остается мирянином, не принявшим постриг, т. е. оставившим для себя возможность ситуации свободного входа.

Выход за послушание, т. е. связанный с волей вышестоящего церковного начальства, далеко не всегда согласуется с желанием самого человека, вынужденного покинуть обитель. Так, известие о переводе в Москву, неожиданное и не соответствующее внутреннему настрою повествователя, воспринимается им крайне болезненно, с определенной долей внутреннего протеста. С этого момента в сознании Георгия обостряется восприятие пространства: Печоры и Москва в сознании молодого послушника приобретают оппозиционный характер, при этом расстановка акцентов делается достаточно категорично: «Как же тяжело, особенно в первое время, было в Москве! И тяжело именно потому, что, просыпаясь ночью, я осознавал: поразительный, несравнимый ни с чем мир монастыря — с отцами Серафимами, Иоаннами, Нафанаилами, Феофанами, Александрами — далеко, за сотни километров. А я здесь, в этой Москве, где ничего подобного нет» [1, с. 81]. Следует отметить, что в ситуации свободного выхода в сознании повествователя также возникают грустные мысли и чувства, однако же в данном случае мрачный настрой послушника усиливается, а его суждения о жизни в Москве становятся более категоричными.

Ситуации свободного выхода и выхода за послушание предполагают возможность возвращения на короткое время, которой Георгий с определенной периодичностью пользуется. В то же время решение архиерея о переводе его в Москву в духовном и социальном смыслах закрепляет его в новом месте несения послушания, лишая возможности принять постриг в стенах Псково-Печерского монастыря. В данном контексте актуализируются два знаковых мотива. Речь идет об отказе от собственной воли и подчинении себя духовнику (что является неотъемлемой частью монастырского образа жизни) и Божьем Промысле, определяющем жизненный путь человека. Последнее подтверждается словами старца Серафима: «Воля Божия! Не горюйте. Все к лучшему, вы сами это увидите и поймете» [1, с. 81].

Если исследованные выше варианты выхода за пределы монастырского локуса свидетельствуют о подчинении человека Промыслу Создателя и не несут для него негативных духовных последствий (за исключением отдельных психологических проявлений, к которым можно отнести печаль об оставленной обители), то ситуация выхода

без благословения предполагает определенный уровень конфликтности как в социальной плоскости (в отношениях с людьми), так в метафизической (с Богом). Подобные эпизоды, с одной стороны, негативно сказываются на духовном состоянии человека, с другой — в очередной раз демонстрируют роль Промысла Божьего в жизни человека.

В качестве иллюстрации подобного типа пересечения границы светского и монастырского миров следует привести сюжет о неудавшемся отъезде повествователя из Псковских Печор после ссоры с иеромонахом Рафаилом. Свое внутреннее состояние повествователь характеризует следующим образом: «Настроение было скверное. Хуже не придумаешь. На сердце лежала тяжесть от ссоры с отцом Рафаилом, которого я все-таки очень любил» [1, с. 616]. В тексте возникают мотивы, связанные с унынием, муками совести, признанием собственной неправоты. Наряду с этим повествователь демонстрирует твердость в своем желании уехать из обители, проявляемую в настойчивом поиске билета на автобус, а также в согласии на неудобный, но единственный оставшийся на тот момент маршрут. В данном контексте возникает своеобразная двойственность, амбивалентность в поведении молодого человека: он одновременно стремится покинуть обитель и осознает ошибочный характер своих намерений. Разрешение данного противоречия происходит в момент автомобильной аварии, воспринимаемой автором как проявление Воли Божией, за которой следует возвращение в обитель и примирение с другом-иеромонахом. Очевидно, что ситуация выхода без благословения хоть и обладает определенной степенью конфликтности, все же является разрешимой, а также способствует приобретению большего духовного опыта для ее участников.

Далее следует обратиться к ситуации выхода, через которую раскрываются образы монахов. Анализ произведения «Несвятые святые» позволяет говорить о следующих ее вариантах:

- выход за послушание;
- выход в знак протеста;
- нарушение обета.

В связи с тем, что речь идет о людях, принявших постриг и принесших монашеские обеты, большинство эпизодов, связанных с уходом из обители, связаны с внутренними или внешними конфликтами. Исключение составляет выход за послушание, предполагающий подчинение воли духовника или церковного начальства. Данная ситуация находит отражение в судьбе старца Досифея, его ученика отца Никиты, а также иеромонаха Рафаила, который «из обители был отправлен в ссылку на глухой сельский приход» [1, с. 556].

Монашеский выход за послушание, как и паломнический, предполагает ситуации кратковременного возвращения. В качестве примера можно рассматривать эпизод из жизни архимандрита Гавриила, возведенного в сан епископа и переведенного на новое место служения. Пережив множественные испытания в другой епархии, бывший наместник возвращается в монастырь с целью отслужить в нем Божественную Литургию. При этом приезд он совершает уже как человек «со стороны», «гость», несмотря на предшествующий тринадцатилетний период управления обителью. Очевидно, что подобное возвращение связано с особым психологическим состоянием персонажа, а также окружающих его людей: «Некоторые монахи и прихожане плакали, подходя к нему под благословение. Растроган был и владыка» [1, с. 183].

Выход в знак протеста связан с внутримонашеским конфликтом, произошедшим между наместником и некоторыми насельниками. Следует оговориться, что подобная ситуация не связана с отказом от монашеских обетов, снятием священного сана

или разочарованием в вере; многие из покинувших монастырь иноков стали приходскими священниками. Уход из обители был вызван принципиальным несогласием иноков с методами управления монастырем, используемыми архимандритом Гавриилом, а также резким характером наместника. Подобная ситуация актуализирует следующие мотивы:

– смирения, покаяния (архимандрит пытается примириться с протестующими иноками);

– мудрости старцев, понимания ими тяжести креста наместнического служения (составление письма Патриарху с просьбой оставить отца Гавриила на своем посту);

– вразумления, внутреннего взросления «церковных диссидентов». Последнее свидетельствует о разрешимом характере сложившейся конфликтной ситуации. Став наместником иного монастыря, бывший оппонент иеромонах Антоний оправдывает своего обидчика и духовно примиряется с ним, признавая его заслуги как человека, так и церковного администратора: «Владыка Гавриил — не жадный, добрейший человек, любил дарить подарки, принимать гостей, но характер у него был жесткий. И еще: владыка Гавриил — человек глубоко верующий» [1, с. 162].

В данном контексте наиболее остро раскрывается тема человеческой души, в которой происходит постоянная и непримиримая внутренняя борьба. Будучи глубоко религиозным человеком, наместник становится заложником собственного вспыльчивого характера, из-за которого страдает он сам и окружающие его люди. Тем не менее архимандрит пользуется уважением старцев обители, которые находят в его адрес слова оправдания. В этом смысле важное значение приобретает реплика отца Иоанна (Крестьянкина): «Я делаю свое дело, а отец наместник — свое» [1, с. 160].

Наиболее драматичная ситуация выхода, представленная в книге «Несвятые святые», связана с нарушением монашеских обетов. Так, в главе «Слово на литургии на монашеском постриге в Сретенском монастыре» автор высказывает явную обеспокоенность за судьбы бывших насельников, нарушивших монашеские обеты и ушедших в мир: «Даже одно такое происшествие — трагедия для монастыря, но в первую очередь для самого монаха...» [5, с. 431]. В структуре данной главы обнаруживается прием обманутого ожидания. Ее первая часть включает проповедь, обращенную к новопостриженному монаху, содержательным центром которой становится идея верности Христу и монашеским обетам. После завершения слова следует резкий переход: сообщается об уходе инока из обители.

Вопрос о разрешимом характере данного духовного конфликта до конца не решен. С одной стороны, автор обращается к древним канонам и богословским трактатам, согласно которым нарушивший обет инок подвергается суровым видам наказания (например, запрет на христианское погребение, непризнание браков). С другой — автор выражает надежду на милосердие Создателя: «Конечно, Господь милостив и для всех есть покаяние...» [1, с. 431].

Следующий этап исследования связан с рассмотрением специфических особенностей ситуации выхода применительно к персонажам, осуществившим по тем или иным причинам вторжение на территорию монастыря. В данном контексте рассматриваются следующие варианты:

– выход-примирение;

– выход-поражение;

– выход, сопряженный с негативными последствиями;

– побег.

Внимательное прочтение книги «Несвятые святые» позволяет уловить взаимосвязь между конкретными видами вторжения и ситуациями выхода, т. е. возможными вариантами разрешения конфликтной ситуации.

Так, вторжение из хулиганских побуждений, изображенное в главе, посвященной личности архимандрита Алипия (Воронова), преодолевается с помощью ситуации выход-примирение, возможной благодаря мудрости и снисходительности наместника монастыря, который, по замечанию автора: «никогда не терял веру в силу Божию, преображающую людей, кем бы они ни были» [1, с. 207]. На данном этапе в произведении возникает мотив превращения врагов в близких людей, связанный с личностью и деятельностью архимандрита: «По своему опыту он знал, как много вчерашних гонителей Церкви становились тайными, а то и открытыми христианами» [1, с. 207].

Выход-поражение возникает, как правило, в случае вторжения по идеологическим причинам, когда агрессия со стороны недоброжелателей монастыря сталкивается с твердостью и волевым характером наместника и других насельников обители. Многие эпизоды из жизни Псковских Печор наглядно отражают примеры подобного спасения святых. Предшествовать выходу могут резкие, иногда эпатажные заявления наместника (чаще всего архимандрита Алипия), его обещания с оружием в руках защищать монастырь. В данном контексте возникают мотивы бегства («Должностные лица обратились в бегство: кто знает, что на уме у этих фанатиков и мракобесов?!» [1, с. 191]), отступления («Уходя от нас боком...» [1, с. 221]).

Выход, сопряженный с негативными последствиями для монастыря, становится следствием агрессии, исходящей от высокопоставленных лиц, не желающих смириться с собственным поражением. Ярким примером становится эпизод общения архимандрита Алипия с министром культуры Е. Фурцевой, в результате которой дама получила резкий эпатажный ответ на провокационный вопрос о вере и монастырском служении. Результатом диалога становится вызов наместника в Москву. Следует отметить, что данный вариант выхода сопровождается повышенной эмоциональностью, криками, угрозами, адресованными монастырскому начальству, что в меньшей степени присутствует при изображении иных типов вторжения: «После повисшей страшной тишины раздался женский визг, потом негодующие восклицания, крики, угрозы, и члены делегации во главе с важной дамой понеслись по направлению к монастырским воротам» [1, с. 200].

Ситуация побега, т. е. незаметного, тайного исчезновения человека из обители, сопряжена с совершенным им преступлением, например, кражей. Пример тому читатель находит в главе о покупке комбайнов, которая рассматривалась выше в процессе анализа ситуации входа с целью обмана / преступления.

Таким образом, в работе была рассмотрена сущность мотива *вход / выход* в произведении архимандрита Тихона (Шевкунова) ««Несвятые святые» и другие рассказы», проанализированы различные варианты преодоления границы секулярного и монастырского пространств применительно к различным типам персонажей (паломник, монах, экскурсант, недоброжелатель, преступник), исследован характер воздействия ситуации перехода на внутренний мир личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Архимандрит Тихон (Шевкунов)*. «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2012. 640 с.

- 2 Голубева Л. Н. Жанр проповеди в сборнике «“Несвятые святые” и другие рассказы» архимандрита Тихона Шевкунова // Художественный текст глазами молодых. Ярославль: Изд-во ЯГУ им. П. Г. Демидова, 2017. С. 125–127.
- 3 Казанцева И. А. Концепция мира и человека в современной прозе духовного реализма // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. № 1. С. 52–59.
- 4 Краснякова М. С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 206 с.
- 5 Rogozin D. M. Книга о монашестве как светский феномен // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 170–174.
- 6 Червоненко С. М. Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей: малые жанры русской прозы 1990–2000-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 194 с.

***

© 2018. Ivan S. Leonov

Moscow, Russia

THE MOTIVE OF ENTRANCE / EXIT IN THE WORK
OF ARCHIMANDRITE TIKHON (SHEVKUNOV)
“UNHOLY SAINTS” AND OTHER STORIES”

Abstract: The goal of this article is to identify peculiarities of the motive entrance /exit in the book of Archimandrite Tikhon (Shevkunov) “Unholy saints” and other stories”. As author brings to notice the artistic space of the work is established on the principle of opposition: secular world — monastery. The paper discusses main types of the transition of the characters from the secular to the monastic space and back, while bringing the focus on the specifics of internal changes in people as in the time of transition as onto the subsequent stages. As a result of this research the author developed a classification of the motive under study, which includes following types: free entrance, the entrance with the assistance of another person, entrance with guided tour, intrusion. The latter category includes four types: intrusion with the purpose of returning a relative, for ideological reasons, one due to hooliganism and intrusion with the purpose of deception/crime. The paper also allowed for more precise covering of the situation of exit peculiar to various groups of characters: pilgrims, monks, ill-wishers, criminals. As a result, the author proposes classification of the layman`s motives for going beyond monastery space. Situations specified are as follows: free release; release due to obedience; leaving without blessing. Same situation for the monk has following specifications: exit due to obedience, exit in protest, violation of the vow. As far as situations of exit of the opponent character are concerned there are: exit-reconciliation, exit-defeat and the exit charged with negative consequences, escape.

Keywords: Archimandrite Tikhon (Shevkunov), Orthodox prose, monastic space, the motive of entrance / exit, the spiritual evolution of man.

Information about the author: Ivan S. Leonov — PhD in Philology, Associate Professor, Pushkin State Institute of Russian language, Academician Volgin St., 6, 117485 Moscow, Russia. E-mail: mamif.lis@rambler.ru

Received: July 31, 2017

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Leonov I. S. Motive of entrance/exit in the work of Archimandrite Tikhon (Shevkunov) “Unholy saints” and other stories”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 198–210. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Arhimandrit Tihon (Shevkunov). *“Nesvjatye svjatye” i drugie rasskazy* [“Unholy saints” and other stories]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja; OLMA Media Grupp Publ., 2012. 640 p. (In Russian)
- 2 Golubeva L. N. Zhanr propovedi v sbornike “Nesvjatye svjatye” i drugie rasskazy” arhimandrita Tihona Shevkunova [The genre of sermon in the book “Unholy saints” and other stories” by Archimandrite Tikhon Shevkunov]. *Hudozhestvennyj tekst glazami molodyh* [Literary text through the eyes of the youth]. Jaroslavl, Izdatel'stvo JaGUim. P. G. Demidova Publ., 2017, pp. 125–127. (In Russian)
- 3 Kazanceva I. A. Konceptija mira i cheloveka v sovremennoj proze duhovnogo realizma [The conception of the world and the man in the modern spiritual realism prose]. *Vestnik TvGU. Serija “Filologija”*, no 1, 2015, pp. 52–59. (In Russian)
- 4 Krasnjakova M. S. *Sovremennaja pravoslavnaia proza: genezis, osnovnye motivy, tipologija sjuzhetov* [Modern Orthodox prose: genesis, main motives, typology of plots]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Voronezh, 2016. 206 p. (In Russian)
- 5 Rogozin D. M. Kniga o monashestve kak svetskij fenomen [The book about monastic life as a secular phenomenon]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2012, no 2, pp. 170–174. (In Russian)
- 6 Chervonenko S. M. *Duhovno-nravstvennye aspekty tvorcestva pisatelej-svjashhennosluzhitelej: malye zhanry russkoj prozy 1990–2000-h godov* [The spiritual and moral aspects of the works of writers-clergymen: small genres of Russian prose of 1990–2000s]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Moscow, 2013. 194 p. (In Russian)